

Глухов Александр

Редкая обыкновенность

16+

Александр Глухов

Редкая обыкновенность

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Глухов А. С.

Редкая обыкновенность / А. С. Глухов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть о Виталии Королеве, его оригинальная жизнь и судьба на фоне жизни
и судьбы страны.

© Глухов А. С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

*Как осознать душе и телу,
Среди бесчисленных явлений,
Что жизнь бесследно пролетела
Для многих тысяч поколений?*

Темными вечерами поздней осени, под угрюмые завывания ветра, или монотонный шум дождя за окном, лежа(обычно) на диване, я мечтал написать рассказ о моем хорошем знакомом. Одолевали меня эти мысли и фантастически длинными вечерами раннего русского лета, где-нибудь на даче, либо у костра (люблю, грешным делом, посидеть у огонька, под жужжание комаров и щебет птиц среди юной зелени). Таких вечеров почти нигде не встретишь. Немного похоже в Канаде и Скандинавии, ну, отчасти в Шотландии и Дании...

С утра начиналась повседневная жизнь, она затягивала своими нескончаемыми проблемами и все писательские потуги забывались, или откладывались. Так проходили месяцы и годы, планету сотрясали катаклизмы и локальные войны, интернет захватывал мир, а телевидение все больше деградировало. Оставалось с грустным сожалением признать неосуществимость затеи... Но жизнь! Неожиданный зигзаг, с кульбитом, предоставил мне массу свободного времени. Первые два года своего вынужденного безделья, я усиленно отсыпался. Звучит странно, но часов по пятнадцать, а то и все восемнадцать проводил в постели, причем, реально спал. Мне удалось до такой степени выспаться, что отступили даже тяжелые сердечно-сосудистые заболевания, вернулся юмор, а интерес к жизни вспыхнул с новой силой. Сдружился я к тому времени с двумя юными стариками (пенсионерами) Сергеем Михайловичем Румянцевым и Александром Васильевичем Глаголевым, в просторечии Серегой и Саньком. Их жизнерадостность и юморная языкастость не признавала ни каких границ. Серега знал сотни, а то и тысячи озорных эпиграмм и четверостиший, сам нередко сочинял. Мне рифма также не чужда. Бывало, он начнет, я продолжу. Санек больше слушал, да посмеивался. Множество хулиганских частушек и стишков (полуматерно-сатирических) выдали мы дуэтом. Потом стал сочинять один, даже составил маленький сборничек: «Откровения из барака, сарая и прочих шалашей». Однако по прошествии маленького промежутка времени понял, что одного юмора маловато, тесно мне в нем. За месяц было написано «Плавское Евангелие» – полушутливая поэма, хорошо встреченная слушателями и несколько стихотворений. Промелькнули еще два месяца. Жгучее желание написать в прозе о моем приятеле, захватывало меня все сильнее. Посоветовавшись с моими старичками и получив их одобрение, я приступил к повествованию...

Его звали Виталий Михайлович Королев. Сын агронома и санитарки психоневрологического интерната, он родился вторым ребенком в семье (была еще старшая сестра), когда председателем президиума верховного совета СССР досиживал престарелый маршал Ворошилов. Вскользь заметим, что девичья фамилия матери Виталика звучала почти величественно – Кутузова.

Заранее прошу извинение за склонность отвлекаться в сторону, увы, имею такую слабость – сообщать попутные детали.

День его рождения – 10 июня. Отцвели сады, облетела сирень. В парке – бывшем имении князей Оболенских поднимался на крыло выводок птенцов и шумел пионерский лагерь. Два общественных сада, один – школьный, другой – интернатский- послесталинская всеобщая мода, радовали глаз юными зелеными яблонями и грушами...

Конец пятидесятых – короткий промежуток, но целая эпоха в сознании страны, которая называлась тогда Советским Союзом. Целинная помпа потихоньку сдувалась. Строился грандиозный Байконур, каскады гидроэлектростанций, возводились домны и «хрущевки» – символ того времени. Сергей Павлович Королев приступил к «лунной программе» и пилотируемой

космонавтике, для чего привлек будущего знаменитого конструктора – двигателя Алексея Михайловича Исаева. В спорте блистали Гарринча и юный Пеле, Игорь Тер-Ованесян и Юрий Власов...

А на улице Перспективной, где поселился наш герой, не было ни одного старика. Это не информация к размышлению и не предложение делать выводы, а обычная констатация факта. Вот старушек, тех хватало. Вечерами они усаживались на лавочки и что-то долго и не слишком громко обсуждали. По всех улице слышались детские голоса. Народ собирался в доме шеф повара интерната Анатолия Сергеева смотреть единственный на улице телевизор, еще с линзой перед экраном, привезенный из Москвы его мудрой и доброй тещей. Повсюду пели свежую на то время песню «Подмосковные вечера».

Среди изобилия (слово то какое!) калек, в основном безногих – обычный итог войны, сильно выделялся своим острым языком Дмитрий Ряжнов, которого до самой смерти называли Митькой, причем называли все, независимо от пола и возраста. Этот Митька и объявил, разливая водку по стаканам: «Ну вот, Король родился!».

Так и хочется вильнуть в сторону и описать балагура Митьку, который не утратил в «сталинское» время болтливость и некоторые другие качества, тем более что он этого стоит. Впрочем, стоят этого и многие другие, а я пишу о Виталике, так, что, продолжим.

Пока герой, радостно чмокая усиленно сосет молоко, я приведу общие сведения о деревне и его семье.

В восемнадцати километрах к югу от Егорьевска, на старом Рязанском почтовом тракте расположилось ранее село, а потом необыкновенная деревня Колычево. В селе, основанном бог весть когда, имелось не менее трех церквей и огромный женский монастырь Казанской богородицы. Почему точно неизвестна дата основания, ответ незатейлив – письменные данные позволяют заглянуть лишь до XVII века, а из земли регулярно извлекают изделия века XIII...

О монастыре основательно рассказал Александр Соллертинский, в своей книге 1910 г. (московская губернская типография), а все истории о кладоискательстве, связанные с монастырем, расскажу отдельно, в других произведениях, ну, возможно, вскользь упомяну и в этом, но далее.

Монастырь и церкви закрыли и спустя десять лет, в 1928 году открыли, как сказали бы прежде – богоугодное заведение – дом инвалидов. В чью темную или светлую голову залетела подобная мысль, мне неизвестно, но сие учреждение перевернуло жизнь деревни коренным образом, спасло от дикой колхозной коллективизации и позволило благоденствовать населению все годы советской власти, на фоне других соседних деревень. Сельцо Лаптево со своим именем и грандиозным парком (бывшее дворянское гнездо) объединили с Колычевом, оставив за деревней название последнего.

На время рождения Виталика в Колычеве имелись: речка, две школы и сельсовет. Иной человек усмехнется: «Что за глупое перечисление?» А вовсе не глупое – школ и сельсовета давно уж нет и речка в иные годы (начиная с 1972) совсем исчезает. При доме инвалидов, в последствии психоневрологическом интернате, создали довольно мощное подсобное хозяйство. Возможности позволяли – интернат напрямую подчинялся МООСО – Старая площадь 4 в Москве, а директор разъезжал на автомашине ЗИМ.

Отец Виталика – Михаил Дмитриевич Королев, высокий шатен с мягким характером, в бытность свою, председателем сельсовета недалекого соседнего села Раменки, древнейшего в районе, польстился на должность агронома подсобного хозяйства, ничуть не пожалев о таком шаге впоследствии. На его месте девять человек из десяти отказались бы сменить карьерно-паразитическую деятельность на реальную работу в сельском хозяйстве. Однако тут было два но. Первое – он был неисправимым идеалистом, второе, более важное – в интернате никто не указывал, когда и что сажать и сеять и на какую глубину пахать. Подобные указания спускались с самого верхнего этажа власти кретиническими болванами, которые в сельском, да и любом

другом хозяйстве смыслили как макаки в астрономии. Конечно, в хрущевские, гораздо более мягкие времена, чем предыдущие, карательных мер к послушникам не применялось, но лучшим и передовым руководителем считался тот, кто первым вспахал и посеял, пусть даже в мерзлую землю, и загубив урожай.

Было еще два плюса в выборе Михаила Дмитриевича: жена работала в интернате, а интернат вел большое жилищное строительство для своих работников – очень удобно, когда дом и работа рядом, а ни на какую другую работу мать Виталика не соглашалась...

Пришли шестидесятые годы. Улица Перспективная грандиозно расстраивалась. Повсюду слышался стук топоров и молотков, звук двуручных пил и ножовок. Бригада казенных плотников азартно крала паклю и продавала частникам. Жили весело и нетрезво.

Виталик – крепкий бутуз – осторожно ходил на неокрепших ножках. Когда сестра Люда водила его за ручку, и они медленно брели мимо домов, бойкие на язык соседи громко и не без ехидства восклицали: «Вот, молодой агроном гуляет». Специфика деревни в полной мере отражалась на жителях. Соседствовали вперемешку деревенская забитость, районная непосредственность и столичный шарм. Сто первый километр приютил множество столичных штучек при интернате. Настоящих сумасшедших водилось не так много, это позднее они стали прибывать массово. А бывшие московские гранд-дамы, прекрасно разбирающиеся в мехах и ювелирных украшениях, легко переходящие в общение между собой на иностранные языки, немислимые в обычной деревне, здесь считались почти за обыденность, с легким налетом экзотики. Меня так и тянет отвлечься в сторону и описать некоторых из них, держащихся строго и прямо, не взирая на возраст, сумевших через столько лет и событий сохранить «породу». Ладно, один только блиц – штрих. Как-то в мае, когда радость жизни «пенится в крови», на тропинке за бывшем поповским домом, что петляет среди буйной растительности вдоль речки, бывшие гимназистки устроили поэтические чтения. Полились негромкие строки (читали не на публику, для себя) Блока Бальмонта и Гумилева. Митька, который всю жизнь проработал кочегаром в бане-прачечной, что располагалась рядом с тропинкой, сидя за поленицей долго слушал. Спустя какое-то время он кряхтя поднялся, скрипя протезом и своим мощным баритоном продекламировал Ивана Баркова. Надежда на то, что дамы смутятся и убегут не оправдалась. Гордые старушки переглянулись, пожали плечами, перешли на немецкий язык и медленно удалились...

Ребята в Колычеве делились на две части, в неравных пропорциях. Большую часть составляли драчуны, отпетые хулиганы, которые кое-как, с двойки на тройку учились в школе. Меньшая часть училась на четверки и пятерки. Многие из них не курили и почти не матерились. Общим увлечением, почти религией был спорт. Хулиганы с непременными рогатками, стреляющими колотым чугуном, частенько «поддавливали» отличников и под легкий матерок поколачивали их, но не сильно, а скорее для профилактики. Ребятам этим едва исполнилось по тринадцать и пятнадцать лет, а юношей в наличии (как и девушек) не имелось. Сказалась война. Рожденные до 1940 и после 1945-го ходили косяками, а детей войны, либо не появившихся на свет, либо умерших в младенчестве давно уж оплакали матери и несостоявшиеся матери старые девы...

Десятилетие началось неординарным годом. Партийные газеты, а какие в те годы не являлись партийными? Подвал за подвалом, статья за статьей печатали «эпохальные» с «историческими» решения коммунистической верхушки...

Я, грешным делом, отвлекусь и наплюя на «историческую» чепуху, напомним те события. Генерал-полковник Каманин, в строжайшем секрете, набирал первую группу в отряд космонавтов. В далеком Конго убили Патриса Лумумбу, а в России умерли два великих человека – поэт Борис Пастернак и академик Игорь Курчатов. Не хочу о кукурузе, но придется: прячась в ее густых зарослях, юный оболтус Володька Варфоломеев впервые подстрелил из рогатки ворону. В головах ребят этот «подвиг» остался главным в году. Володька носил прозвище Тар-

зан. Он гордо пронес через полдеревни трепыхающуюся птицу и кинул на траву у ног Виталика. Тот, борясь с любопытством и трусостью, пытался схватить ворону, но тут же, с визгом убирал руки...

Дальше время побежало пошустрее. Полет Гагарина, вынос тела Сталина из Мавзолея, оскудение магазинных полок, первая женщина – космонавт, введение талонов (почти карточек) и Карибский кризис занимали в те годы деревенский народ не меньше, чем кражи комбикорма и замужество первой красавицы – Людмилы...

Виталик подрастал послушным ребенком. Эта характерная черта сопутствовала ему практически всю жизнь. Он частенько бегал к отцу на работу по Парковой – самой прямой и ровной улице, которая вела от Перспективной к подсобному хозяйству. Устойчивое прозвище король уже прилипло к нему...

Ребятню гордость улицы составляли шесть ее больших луж. Кстати, расположение деревни следует немного описать. Колычево раскинулось между тремя холмами, которые возвышались на севере – в сторону Сазоново и Егорьевска, на западе – сторону станции Пески и на востоке в сторону Шатуры и Черустей. Главная улица – Зинаиды Самсоновой протянулась вдоль речки Щеленки, пересекаясь с ней почти посередине, у самого интерната, строго на юг. На запад резко вверх устремилась Садовая, она же Старая деревня, гнездо отъявленных хулиганов и бывших «зеков». На восточный холм взбиралась легкими зигзагами, напоминающими «затухающие колебания» Перспективная, которая в вертикальном разрезе походила на синусоиду. На улицах Самсоновой и Садовой луж, увы сыскать было невозможно, на Парковой прозябала одна и та мелкая, зато уж перспективная имела блестящий набор на любой, самый привередливый мальчишеский вкус. С весны до поздней осени детвора насыпала плотины, копала каналы, пускала ручейки, строила кораблики с парусами и без. Лужи благодаря детским усилиям сообщались между собой системами протоков и благодаря наращенным бортам никогда не иссыкали, что приводило в постоянное недовольство взрослое население, а водителей в ругательную ярость. Как сейчас помню, что никакими окриками и угрозами невозможно было оттащить увлекшихся пацанят от любимого занятия. Все мокрые и перепачканные, носились как угорелые со сташенными из дома лопатами, не отзываясь на призывные крики родителей и лишь Виталик, едва услышав голос матери, – Лидии Петровны, мчался сломя голову домой...

Валерий Брумель установил тогда феноменальный мировой рекорд в прыжках в высоту – 228 см. Ребята постарше, в подражание ему стали устраивать между футбольными матчами (почти ежедневными) соревнования по прыжкам в длину и высоту. Восьмиклассник Вовка Афонин улетел аж на 5 м 56 см, а в прыжках в высоту некоторые одолели 145 и 150 см, не такой уж плохой результат для 14-15-ти летних...

А в недалеком селе Раменки закрыли церковь. Повсюду полушепотом рассказывали страсти о тамошнем попе, что он якобы, шпион и держал на колокольне передатчик (полная чушь, конечно) ... Каждая семья в Колычеве имела, как говорилось, «своего дурака». Так назывались неглупые и работающие больные интерната, которые ежедневно ходили строго к определенным хозяевам, выполнять различную работу по дому, или около него. В моей семье таких было даже двое.

Володя – молодой мужик лет 25-26-ти, колот и пилил дрова, копал землю, носил вязанки сена и пропивал свою пенсию с моим отцом. Среднего роста, блондин, мускулистый и сильный, симпатичной внешности, без признаков умственной отсталости на лице, но, далеко не умный, он в лепешку расшибался за то, что его запросто принимали и три раза в год сажали за праздничный стол – на Пасху, Троицу, и «октябрьскую» (7 ноября). Второй, старый дед Иван Лисицин. Я не знаю и, скорее всего никогда уж не узнаю его настоящей биографии. Из его слов выходило, что он -тульский промышленник, чуть ли не миллионер. Мне теперь не вспомнить массы деталей, из его рассказов. Отчетливо остался в моей памяти один эпизод. Дед, позанимавшись со мной (еще не школьником) шахматами и французским языком надолго задумался

и заплакал. Понятно, мне, пяти-шестилетнему несмышленишу показалось это странным. На удивленный вопрос: «Дед, ты почему плачешь?»,

Старый Иван, промокнув слезы носовым платком, горько промолвил глуховатым голосом: «Умру я, ничему тебя научить не успею». Тогда и я по детской глупости заревел: «Я тоже умру-у-у!» Дед успокоился, взял себя в руки и долго меня утешал...

А в семье Виталика подобных работяг и воспитателей не держали. Дом Королевых значительно возвышался над остальными, стоя в середине улицы с правой стороны, если идти от речки, грибоварки и магазинов. Кроме трех магазинов, чайной и «кабаре», как называли пивнушку-закусочную с хорошим по тем временам буфетом, жизнь кипела в клубе, библиотеке и на почте. Во втором клубе – интернатском, проводили по большей части скучные официально-казенные мероприятия. Предлагаю небольшую экскурсию. Мимо больницы и пекарни пройдем не задерживаясь, как не представляющих интереса; у магазинов и «кабаре» скользнем взглядом по вечно сидящим и выпивающим близ оных заведений калечным воинам и по деревянному мосту дойдем до бывшего монастыря, что на западной стороне улицы. Вдоль стен, слегка напоминающие кремлевские, дошагаем до грандиозной колокольни. Ее построили за год до коронации Николая II, по проекту рязанского губернского архитектора Саблера. От этой машины эклектического стиля, прежней высотой 83 м 84 см, в описываемые события около 75 метров (без части шатра и купола), а ныне около 80 м, свернем налево, к востоку. И если пройти от колокольни, либо мимо клуба, или двухэтажного здания почты, а также, библиотеки с сельсоветом – все три тропинки сойдутся. Сливаются они во владениях Кости Таракана – кузнеца и пилорамщика в одном лице. На бревнах пилорамы тоже, как правило, выпивают. Далее на восток следует между фруктовыми садами, а потом мимо школы и парка, расположенных по левую руку, полудорога – полутропа, вплоть до Парковой улицы. Свернем налево, на Парковую, пройдем 300 метров до дома Степана Молоканова, свернем направо и через сто метров мы у цели, около высокого дома Королевых. А если обойти Парковую улицу «по задкам», сразу окажемся у их голубятни, единственной в Колычеве. Есть еще короткая тропинка наискосок через парк, а, если от магазинов взбираться вверх по перспективной, то расстояние окажется еще меньше. Теперь прошмыгнем в симпатичную калитку с навесом и окажемся около длинной застекленной террасы. В дом то нас скорее всего не пустят – если хозяйка – Лидия Петровна на месте, но, если на дворе теплое время года, в открытое окно мы увидим непрезентабельного вида радио. Оно стоит на прибитой к стене полочке и постоянно работает. Радио тех лет заставляло замороженно слушать его часами – если было время. Романтическая музыка, лирические песни, литературные чтения; умели шельмы, не то, что сейчас интеллектуально-импотентные деграданты... В углу, на подставке виднелся телевизор. Да, за считанные годы они распространились, как поганые грибы, но, днем эти телеки не работали – не хватало материала, специалистов и т.д....

Подросли интересные времена. Летом, наша сборная по футболу заняла лишь второе место на чемпионате Европы, против золота предыдущего первенства. На олимпиаде в Токио, Юрий Власов странно и неожиданно проиграл Леониду Жаботинскому. Однако, все остальное затмила октябрьская отставка Хрущева, как раз под праздник «Покров».

Наступила знаменитая эпоха Брежнева. Но, к одному событию, стоявшему по значению не ниже принудительного ухода генсека на пенсию, я, пожалуй, вернусь... Главный деревенский праздник – «kozyрной», это без сомнения Троица. Двух-трехдневный загул подразумевается само собой, с массой гостей, пьянками, песнями и мордобоем. С утра и часов до шести празднуют дома, а вечером с гармошками и гитарами высыпают пьяными и полупьяными компаниями на улицы. По всей деревне весело, шумливо и интересно. Дети в гулянии принимают живейшее участие. Тем вечером, Виталик, я и еще пять шесть ребят задержались на площади перед воротами бывшего монастыря – большим архитектурным сооружением – смеси готики, барокко и русского церковного стиля 17 века, напротив школы-интерната для глухонемых.

Нас привлек спор троих не слишком «подданных» мужчин о том, кто лучший певец в стране и певица, и какая песня самая – самая.

– Только Кобзон, остальные – не то. А какие песни «А у нас во дворе» что стоит, а «Куба – любовь моя»! – горячился кудрявый круглолицый блондин, не местный, но частенько приезжающий к родне.

Борис Ксенофонтов – будущий известный физик, доктор наук, сын конюха Семена из ближайшей деревни Сазоново, не соглашался:

– А как же Анофриев, Хиль со сверхпопулярной «Если радость на всех одна»? А Майя Кристалинская?

Со старой деревни показалось стадо подсобного хозяйства. Пригонять его следовало чуть позднее, но пастух, тоже человек пьющий, он и так бедолага, еле дотерпел до вечера. Гуляющие неохотно расступились. Часть из них, человек двадцать – двадцать пять, в том числе и Виталик, отошли к воротам и проходной интерната, другие же встали вдоль забора школы глухонемых. Их было не более десятка и среди них известный местный силач, почти знаменитость – Аржанкин. Не стоит думать, что в Колычеве и окрестностях силачей не водилось, таких хватало, даже с избытком. Особенно выделялись сибиряк Константин Маковский и Юрка Гусев по прозвищу «Ермак», которые выглядели внешне раза в полтора помощнее Аржанкина, но абсолютно уступали ему в силе. Тот, при росте 170 см имел напоминающее орангутанга сложение и вес около 115 кг. Возможно, при определенных обстоятельствах, из него получился бы великий штангист. Он на спор шутя поднимал за передок колесный трактор ДТ-20, причем, не отрывал чуть-чуть от земли, а именно поднимал сантиметров на 40-50. Куражась, он запросто валил быка «Мишку», не менее тонны весом...

Сейчас этот богатырь, пьяненько ухмыляясь, стоял, прислонясь спиной к штакетнику забора. Он лишь назывался штакетником, имея в сечении 45х90 мм. Откуда такая точность? Отвечу – сам, когда подрос, измерял его отцовским метром. Очень мне нравится все мерять, но об этом позднее...

Бык «Мишка», высмотрел своего давнего обидчика, взял несколько левее и, замерев, несколько секунд глядел на него вполборота. Затем, наклоня голову, забил копытом.

– Ну иди, иди, башку тебе сверну – пробасил Аржанкин вальяжно и довольно миролюбиво. Расстояние в 2-3 метра бык преодолел за долю секунды. Забор выдержал удар – силач, стоящий около столба, на стыке мощнейших жердей-поперечин, медленно осел, ругаясь:

– Ну, тварь, завтра я тебе рога поотшибаю. Подоспевший пастух хлестнул «Мишку» яростно, с матерщиной, едва не задев людей. Многие ничего не поняли. Пять шесть женщин охнули, прислоняя руки к груди. Виталик кинулся бежать выражением ужаса на лице, в сторону своего дома, но не ближней дорогой, через парк, а по улице, к магазинам и далее. Витька «Балон», парень чуть постарше, слегка вздорный, крикнул ему:

– Стой! Давай досмотрим.

Виталик, не реагируя, мчался дальше.

– Испуганного короля словами не удержишь – это произнес Митька Ряжнов, который в такую минуту не утратил юмора и афористичности.

«Балон», под впечатлением увиденного и напуганный голосом одноногого Митьки, рванул вслед за Виталиком.

Аржанкин прожил еще неделю...

Искушение подталкивает меня на очередной анжамбеман, не в поэтическом, конечно, а в более широком смысле. История эта будет неполная и осталась в памяти именно с комичным продолжением, хотя трудно сочетать трагедию со смехом.

На следующий день решили пустить быка «Мишку» на мясо. Виталик, все что видел рассказал отцу, с красочным описанием – он это умел еще тогда. Однако случилась скверная незадача – на второй день «Троицы» на работу мало кто вышел. А Виталику было уже обещано

Михаилом Дмитриевичем, в самых решительных выражениях, что негодяй бык, непременно поплатится за свой поступок.

Юный Королев сидел у окна конторы подсобного хозяйства, с детским любопытством ожидая предстоящее, почти ритуальное убийство виновного животного. Часа полтора отыскивали по всем деревенским закоулкам хоть какого-нибудь трезвого палача-исполнителя. Нет, разумеется, никто не отказывался, даже выражали пьяное желание расправиться с «Мишкой» голыми руками, но, дальше слов, дело не шло. В итоге, самым трезвым оказался Митька.

Кто он был этот эпический герой, весом 91 килограмм, вместе с деревянной ногой?

Я не видел его ни разу пьяным, или курящим, этого полу богатыря, способного повторить подвиги древних. Он не разрывал пасти львам, за неимением таковых, но к4ошек придуши вал легко, а при чистке деревенских сортиров, обходился без помощи реки (в отличии от Геракла), довольствуясь обыкновенным черпаком. Слова эти я пишу не ради хохмы и юмора, а, всего лишь констатируя факт его собственной инициативы... Так и не довелось мне узнать откуда он родом, есть ли родственники, имел ли профессию и где потерял ногу? Его манера говорить уверенным непререкаемым тоном, многих отталкивала, в том числе и меня и сейчас я сильно жалею, что ни разу не общался с ним, что называется по душам. Когда он приходил к нам за яблоками, то никогда их не просил, а командовал: «Вон с той яблони и вот с этой, да не жадничай», сам при этом подобно Гераклу, подпирал не свод, конечно, а забор... Теперь судьба подкинула ему подвиг Тесея. Деревенским, Митька не был явно, скотины собственной не держал, но имел небольшой участок, который сам перекапывал, не глядя на деревянную ногу (остальные старались свои участки пахать). К его достоинствам следует отнести дар рассказчика и приколиста. Много лет спустя, когда он уже переехал с семьей в Егорьевск и даже после смерти его, большинство деревенских жителей вспоминали с ностальгией Митькины афоризмы и хохмы, а также были едины во мнении, что все местные острословы – его ученики и последователи...

Михаил Дмитриевич, оглядев одноногого кандидата, который уверенно прихромал на подсобное хозяйство, удовлетворенно заявил:

– Ну, я вижу ты меня не подведешь. Надо заколоть двух поросят и быка заодно. Расплатимся мясом...

Я не стану долго описывать его битву с коварными животными, о которой подробно описано в другом произведении. Полугерой схватил свой знаменитый колун, с метровой ручкой, наотрез отвергнув нож и намертво уложил небольшого шестимесячного поросенка ударом по голове. Второй, крупный кабан получил удар острием колуна в лоб и лишь слегка оглушенный, визжа на все окрестности, кинулся в заросли лопуха и крапивы. Выманить его назад не сумели. Разгоряченный Митька храбро приступил к убиению быка, которого заранее вывели и поставили между трактором ДТ-54 и деревянными санями к нему, ровно напротив окошка, у которого сидел любопытный Виталик. Поединок длился не более 5 секунд, в течении которых был нанесен удар и инвалид, с несвойственной ему прытью оказался под гусеничным трактором. Листья осины, у сеного сарая, слабо колыхались на едва заметном ветерке.

Быка с поросенком пристрелил через час Константин Маковский. Весь этот час острослов и полубогатырь, давал грозные советы из-под трактора.

Когда Виталик побежал потрогать мертвого быка, Митька Ряжнов уже отряхивался от пыли и мазутной грязи. Он глянул свысока на «агрономенка», поднял указательный палец и выдал очередной перл:

– Не оскудела Русская земля...

Что он хотел этим сказать, так и осталось загадкой...

Ползло, шло и мчалось время. Пролетали метельные и снежные зимы, пронеслись вёсны, со своим разливом, ярким солнышком и юной зеленью. Даже лето, которое казалось Виталику бесконечным в своем начале, довольно быстро заканчивалось. События менялись

как в калейдоскопе. Реформа Косыгина, которая вскоре принесла наполнение прилавков магазинов, выход в открытый космос Алексея Леонова, смерть великого однофамильца Виталика. Никто не заметил столетний юбилей водки Менделеева и странную смерть, почти как у нищего, одного из богатейших людей планеты Асафа Джаха, которая произошла через два года после водочной даты. Страна хорошела на глазах, готовились с помпой отмечать пятидесятилетие революции. В этой череде дат и событий постепенно складывался характер Виталика.

Он рос послушным, доверчивым и мнительным одновременно. Точные науки давались ему легко и без напряжения, а вот с родным русским языком, возникали постоянные проблемы, впрочем, у его сестры Людмилы тоже. Учительница – Татьяна Ивановна ворчала, но заветную тройку ставила всегда...

Михаил Дмитриевич выписывал на семью сразу четыре газеты: «Правду», «Пионерскую правду», «Труд» и «Известия». Пресса, за исключением «Пионерской правды» вяло побрехивала о столетнем юбилее продажи Аляски. Королев старший садился за газеты сразу после окончания рабочего дня и не менее двух часов, а то и более, внимательно и с комментариями просматривал их. Виталик, в такие часы, спешил в сарай, где внизу находился курятник, а наверху ворковали голуби. В потайном месте сарая он прятал рогатку, которую сам тщательно смастерил из бинтовой резины.

Деревенские нравы к тому времени смягчились. Рогатки имели практически все и лишь некоторые ребята из культурных или ханжеских семей их прятали и не выставляли напоказ. Первое послевоенное поколение по большей части служило в армии, по меньшей сидело в тюрьмах и лишь один Борис Ксенофонов успешно учился, готовясь к аспирантуре...

Виталик, схватив заветную рогатку, помчался на другую сторону улицы, на деревенские «зада», где шла успешная стрельба по бутылкам, но был перехвачен строгим Митькиным баритоном:

– Стой, Король! Иди сюда.

Виталик, с видимой неохотой подошел к одноному говоруно, вальяжно развалившемуся на скамейке. Стих ветерок, солнце клонилось к северо-западу, где высился густой лес.

– Чего, дядя Мить?

– Чего, чего? Ты ж сын агронома, культурным должен быть. Называй меня полным именем.

Виталик озадачился:

– Как это?

– Ну как, как? Витя, допустим – Виктор, а Митя...

Юный Король торопливо и вопросительно бухнул:

– Миктор?

– Дубовая твоя башка, Бубновыи.

Виталик еще не осознал, что получил дополнительное прозвище, которое приклеится к нему на много лет вперед. Он хотел уже идти дальше, но коварный инвалид удержал его, рассказав очередную басню:

– Ты знаешь зачем винт на самолете?

– Чтобы летел.

Митька поднял кулак и с самым серьезным видом, веско произнес:

– Дурень! Винт нужен, чтобы летчику не было жарко. Если винт остановится, знаешь, как он сразу вспотеет...

После грандиозного военного парада на Красной площади 7 ноября, в честь полувекового юбилея революции, наступила зима.

На замерзших прудах начались хоккейные поединки. По двое нападающих в командах, бегали по льду на коньках – «гагах», как их тогда называли, остальные, в том числе вратари – в обычных валенках. О покупных клюшках даже не мечтали, обходились самодельными.

Процесс изготовления начинался с кражи штакетника, желательного из комля березы, в котором делался пропил и вставлялась пятислойная фанерина, тоже краденая. Затем, стык и сам кусок фанеры обматывали черной тряпичной изоляцией...

Как раз под юбилей советской армии, Виталик умудрился показать лучший результат в школьных лыжных гонках. Физрук Владимир Иванович Никишов недоверчиво оглядывал его фигуру:

– Тебе бы гимнастом или штангистом быть, ну, борцом. Как же ты так шустро на лыжах катаешься?

Сын агронома, самый низкорослый в классе, скромно пожимал плечами...

В марте погиб во время тренировочного полета Юрий Гагарин, вместе с полковником Серегиным – своим начальником. Он оказался третьим погибшим из отряда космонавтов после Бондаренко и Комарова, если не считать Григория Нелюбова. Прах Гагарина и Серегина замуровали в кремлевской стене...

Вскоре пришла неожиданная и знаменитая «Пражская весна». События ее общеизвестны, поэтому ограничусь маленьким упоминанием: В конце лета, на штыках «Варшавского договора» к власти в Чехословакии пришел Густав Гусак...

Все лето, за маленьким исключением Виталик провел у бабушки, в деревне Волково, в ее огромном доме. Вместе с двоюродными братьями он ловил рыбу, что надолго стало его увлечением, загорал и, попросту развлекался. Его счастливый дар избежать драк и конфликтов развился в нем еще более.

Под самый новый год, когда уже начались зимние каникулы, впервые поднялся в небо сверхзвуковой ТУ-144 – конкурент «Конкорда». Гениальный НК – Николай Кузнецов, конструктор и генерал, находился в расцвете сил и разрывался между авиацией и космонавтикой, создавая двигатели для обеих отраслей, в том числе НК-33 для мега-ракеты Н-1.

Год, следующий запомнился конфликтом на острове Даманский и лунной экспедицией американских астронавтов.

А в памяти Виталика и моей тоже, гораздо отчетливее сохранились поездки в Москву за продуктами и поездки «на луга», в Луховицкий район. Согласно традиции, перед праздником «Троица», в Москву снаряжались три грузовые машины ГАЗ-51.

В кузов набрасывали немного сена и все желающие (вот демократизм!) набивались в кузова и за счет интерната ехали за деликатесами. Покупали их разумеется за свои деньги, но дорога была бесплатной. Прекрасно помню, как остановились три наших грузовика на улице Горького и прежде, чем народ стал выпрыгивать из кузова, толстенный директор вечерней школы Алексей Петрович Фомин, обратился к Виталику и ко мне:

– Смотрите ребята, это и есть, тот самый Елисеевский магазин.

Мы глупо пожали плечами – нам это название ни о чем не говорило и шустро сиганули на тротуар.

Женщина средних лет, по тогдашним меркам довольно изысканно одетая, скривив губы, презрительно произнесла, ни к кому конкретно не обращаясь:

У, весь колхоз приехал!

На нее мы не обратили особого внимания, зато Виталик толкнул меня в бок и восторженно зашептал:

– Гляди, сколько девок в мини-юбка!

Возвращались из Москвы, разумеется, пьяные и с песнями...

Счастливые и давно ушедшие времена, когда один гаишник – могучий Володя Шилкин управлялся со всем городским и районным дорожным движением и мог запросто выпить более пяти бутылок водки. Как несокрушимо он восседал на казенном мотоцикле «Урал», напоминая чем-то рыцарей средневековья.

Ушлый и грамотный читатель, может упрекнуть меня в том, что я пропустил олимпиаду в Мехико, хотя до этого придерживался спортивной тематики. На подобный упрек отвечаю: пропустил умышленно, ибо прыжок Бимона, скорее оттолкнул нас слегка от спорта, из-за своей нереальности – бессмысленно стало даже пытаться совершить что-либо подобное. К тому же, я пропускаю неподъемную массу событий того времени, по причине объема повествования и не хочу засорять его избыточной по моему мнению информацией.

Зато осенью 1969г. На советском спортивном небосклоне зажглась подлинная спринтерская звезда – Валерий Борзов неожиданно выиграл первенство Европы на стометровке.

К зиме 1969-70гг, умерли почти все бывшие «благородные девицы» интерната, в том числе моя «крестная» Кристина Семеновна. Дед, Иван Лисицин скончался двумя годами ранее. Какая же снежная и метельная она выдалась. Тропинки от входных дверей тянулись вдоль снежных валов выше человеческого роста. Весь февраль завывали метели, насыпая и трамбуя снег. Хоккей пришлось забросить. Даже Виталик, самый упорный из нас, отчаялся расчищать каток из-за непомерных сугробов. В эту же уникальную зиму, он впервые продемонстрировал прочность своей головы и шеи. Дело происходило следующим образом: между березой и ветлой, на высоте около пяти метров натянули веревку и все без исключения ребята, показывали свою удалость и ловкость, перебирались при помощи рук и ног с одного дерева на другое. Агрономов сын решил повыпендриваться и отпустил руки, думая удержаться на веревке при помощи ног. Полет был коротким; через секунду последовал удар головой об лед. Завязанная шапка слегка смягчила удар и происшествие осталось без последствий. После этого случая, Виталик многократно подтверждал прочность своего черепа...

Всю зиму ждали юбилея Ленина и чемпионата мира по хоккею. Призы брали исключительно европейские команды. Главных претендентов было три – СССР, Чехословакия и Швеция, к ним по классу примыкала сборная Финляндии. Отчаянные поединки, настоящие рубки – СССР – Чехословакия никого не оставляли равнодушными.

Столетие Ленина не отметили выходным днем, слегка разочаровав жителей страны.

Советский Союз вновь показал всему миру, где живет самый сильный человек планеты. Мощнейший богатырь Василий Алексеев буквально раздавил соперников своими результатами.

Под стать ошеломленным достижениям штангиста случилось и половодье 1970г. Ребята всех возрастов плавали на льдинах и Виталик умудрился всего пару раз кувырнуться в ледяную воду. Остальным повезло меньше – раз по пять, семь, а то, все десять пришлось им поплавать и сушиться у костра, дрожа всем телом и лязгая зубами. Воспаление легких никто не схватил.

За первое место по сбору макулатуры, которое обеспечил Виталик, принесся кипы отцовских газет, класс отправили летом на два дня на Оку.

Серьезный и важный водитель «Газона» Николай Гусев, подкатив к школе, безапелляционно заявил:

– Король – со мной, за папоротником на подстилку, остальные пешком через Троицу.

От Колычева до Маливо, четырнадцать километров грунтовой дороги. Школьники с учителями весело тронулись в путь налегке, а Виталик с шофером поехали в объезд, по асфальту, а это расстояние достигало более тридцати километров.

– Смотри внимательно – наставлял начитанный Николай – вот тебе урок географии. На твоих глазах лесная зона превратится в степь.

Виталик недоверчиво улыбнулся:

– Как это?

– Сейчас увидишь.

Километрах в пяти от Колычева, между деревнями Кузьминки и Карповская, справа от дороги, среди сосново-березового леса нарвали большую кучу папоротника. Королев младший

от усердия порезал все пальцы рук об эту крупную и довольно прочную траву. Редкие белые облака медленно плыли на северо-запад. В лесной тени носились крупные комары и щебетали птицы.

Лес, действительно, вначале хвойный, затем смешанный елово-березовый, сменился березняком, чем южнее, тем более редким, а затем за селом Горки, Коломенского района исчез совсем...

Окровавленные руки Виталика перебинтовала математичка Антонина Львовна. Его даже хотели отправить домой, но немного подумав, помиловали. Оба дня, он околачивался в окрестностях озера Петровское, близ Оки, купаться ему запретили...

...Летом следующего года, сразу после кончины моего родственника тридцатитрехлетнего дяди Славы, который упился насмерть на очередную «Троицу», произошел нелепый случай, который до осени разделил улицу Перспективную на два враждующих лагеря. Человек пять-шесть ребят слонялись без дела около пруда, в их числе находились Виталик, Вовка Карташов и я. Вовка поймал на берегу ящерицу и стал запускать ее в воду, наблюдая, как она плавает. Остальные возмутились:

– Не мучай животное!

– Да пусть плавает – ответил Вовка, снова поймав подплывшее к травянистому берегу пресмыкающееся.

Тут я гневно заорал:

– Брось!

Вовка растерялся и зашвырнул ящерицу далеко в воду. К ней тут же бросилась утка и мгновенно ее сожрала.

Пока парень беспомощно озирался по сторонам и соображал, что случилось, он получил десятка полтора тумачков. Отбежав на безопасное расстояние, невольный душегуб, прокричал:

– Я вас изловлю, ждите теперь!

Начались с этого дня засады и драки на резиновых дубинках, которые изготовили из уплотнителей автомобильных и тракторных стекол.

Виталик мгновенно скрылся в деревне Волково и до осени не показывал носа в своем доме, чем заслужил презрение обоих враждующих сторон.

Пионерский лагерь отжил свой последний сезон и переехал на шесть километров поближе к Егорьевску. Навсегда отзвучали горны и отгремели барабаны, отгорели и остыли прощальные костры. Стало непривычно тихо с старом парке и только многосотенные стаи грачей остались его обитателями. Эти грачиные тучи, поднимаясь в воздух, загорали солнце на пару минут, на время полета.

Я не стал уделять много места для лагеря по той причине, что Виталик, в отличие от остальных ребят, ни с кем там не дружил.

Для нас же, пионерлагерь «Чайка», остался в памяти веселым, романтичным с грустинкой прошлым, в которое уже никогда не вернуться.

...Всю зиму строили снежные крепости, от крошечных, до огромных, с многоэтажными башнями. К февралю, вдоль всей улицы, позади домов высились белые бастионы. Самые прочные возводили во время оттепели из сырого снега, который после замерзания превращался почти в лед. Это зимнее строительство было наибольшей страстью Виталика, даже интерес к Таньке с соседней улицы, на которую он частенько заглядывался, проявлялся меньше строительного азарта. Из собственного сарая, он стащил две веревки с охапкой тонких поленьев и смастерил веревочную лестницу, для лазания на высоченную башню...

Грянули Олимпийские игры в Саппоро. Советские лыжники, во главе с Вячеславом Ведерниковым и Галиной Кулаковой показали свой суперкласс. Хоккейная сборная не отстала и разгромила грозных чехов со счетом 7:2. Страна ликовала.

Еще с осени стал ходить рейсовый автобус через Колычево, до Троицы. Странный термин. Почему поезда, корабли и рейсовые автобусы ходят? Неудивительно, что иностранцам чрезвычайно сложно постичь русский язык, если даже Виталик, коренной абориген, его не освоил.

Запуск автобусных рейсов здорово отразился на спортивных результатах. Еще бы, многие, только на ходьбу в школу и обратно прошагивали по 8-9 километров. Благодаря прогрессу, по всей стране началась медленная атрофия населения. Другой физрук, тоже Владимир Иванович, но, уже Хориков – будущий полковник, горестно вздыхал и стыдил нас за скромные результаты лыжных гонок. Один «Бубновый» не потерял класс. Владимир Иванович так и сказал, осекся и сам себя поправил:

– Только Виталий Королев молодец!

...С мая установилась теплая сухая погода. Дождь, довольно серьезный, с грозой, случился на праздник «Троица», после обеда. Этот дождь оказался последним за все оставшееся лето. Сезон купания в 1972 году оказался рекордно длинным – с середины мая, до начала сентября.

2 июля отмечали день рождения Лешки Губарева. История этих дней рождения стоит отдельного описания с пояснениями. Лешка был младше нас, рос в условиях полу тепличных, но тянулся к нам всей душой, глядя на нашу вольницу и ненавидя постоянную опеку над собой, со стороны домашних. Раз в году, на день его рождения, строго отобранную бабкой и матерью компанию, в которую входили Виталик, я, мой брат Мишка и сестра Люба, соседка Вера и ее двоюродный брат Сережка «Пряник», приглашали к столу, но не в дом, а во дворе, под вишней. Избранная компания готовилась заранее. Подобно голодным волкам, мы вышагивали вдоль ограды из теса, заглядывали в щели, наблюдая за накрытием стола и держались ближе к калитке. Остается только догадываться, что о нас думала семья Лешки, но тогда, нам было глубоко на это наплевать. Интересно, что Виталик охотно перенимал наши повадки, хотя ему частенько перепало от родителей за подобное.

Стол накрыт. «Пряник» копытит землю от нетерпения и перечисляет:

– Двадцать бутылок лимонада, четыре торта, конфеты, апельсины и еще, не пойму, что...

Открывается шпингалет калитки, и мы мчимся к столу. Какой там именинник!

Какие поздравления! В лучшем случае ему дают место за столом. Шум, смех, откупоривание бутылок и пожирание всего подряд. Разыгрывается настоящая вакханалия, особо свирепствует «Пряник». Бабка и мать Лешки удаляются в дом оскорбленные до глубины души.

Минут через двадцать, когда наелись до крайней степени, начинается перекидывание оставшегося лимонада через забор, в наш огород. Потом, через силу, пытаемся запихнуть в себя остаток сладостей и обрываем вишню, под которой идет пир. В 1972 году вишня созрела необычайно рано. Она нам и нужна то не была, но из принципа нарвали целую коробку из-под торта. Через час мы лежали на траве, в прогоне между моим домом и баракком, маясь животами.

Не спешите думать, что праздник на этом заканчивался; ничего подобного. Через час – полтора, толстый и вечно полуголодный «Пряник» поднимался и шел высвистывать Виталика из дома; смывался из-под опеки Лешка, подходили другие ребята и вся компания мчалась в сад подсобного хозяйства. Виталик был нужен для того, чтобы нас не прогнали ненароком. В саду, насобирав клубники, а также из глупости недозревший «белый налив», возвращались назад, продолжить пиршество, уже в более широкой компании. Но и это еще не конец. Ближе к вечеру сдали пустую посуду в «Кабаре», где нам налили трехлитровый бидончик лимонада...

Наступила эра мопедов и мотоциклов. Нам с братом мототехника не «светила», по скромности доходов семьи, а «Бубновый Король» так и не завел своего мопеда по другой причине. Его отец, Михаил Дмитриевич, считал, что велосипед гораздо более полезное изобретение.

Тогда же мы усовершенствовали самодельные заводные машины и тракторы, изобретенные совместными усилиями годом раньше. Большинство деревенских ребят посмеивались над нами:

– Дураки здоровенные, вам по девкам бегать пора, а вы в машинки играете.

Между тем, у молодого Виталика обнаружился еще один дар – он довел тракторные и автомобильные модели почти до идеала. Его гусеничные и восьмиколесные, с полным приводом агрегаты, преодолевали любые препятствия и превосходили по всем статьям заводские изделия.

То, рекордно жаркое лето навсегда запомнилось огромными спелыми яблоками, ежедневными купаниями, пересохшей речкой и рыбалкой, о которой можно слагать легенды.

Речка распалась на мелкие водоемы, бывшие омутами прежде. Рыбу, в основном огольцов, таскали ведрами. Попадались и караси со щучками, плотва и пескарики. Настырный Виталик неумоимо носил ведро за ведром, а так как рыбы стало бессмысленно много, ей кормили уток, кур и голубей. В пруд запустили по весне карпов, но решили их до конца августа не ловить, а мелкая рыбешка, которую у нас называют сигальга, расплодилось несметно. Виталик опускал двуручную корзину под воду, стоя в ней по пояс и крошил хлеб на поверхности. Приплывала огромная стая этой мелюзги. После поднятия корзины, в ней оказывалось от сотни и более рыбешек. Жара стояла такая, что после засолки, эта сигальга высыхала полностью за четыре часа.

Цена картошки на рынке подскочила сразу в пять раз, с десяти до пятидесяти копеек за килограмм. Августовскими ночами Митька Ряжнов водил боевую дружину картофелекравов из барака на поля птицефабрики, что раскинулись за прудом. Поля интерната старались не трогать, ибо знали – при коммунизме местного разлива (не путать с всеобщим) дадут и так.

Днем постоянно барражировали в небе самолеты и вертолеты, через громкоговорители маловнятно вещающие о недопустимости разведения костров. Дым от повсеместных торфяных и лесных пожаров делал воздух полупрозрачным. Запах гари особо чувствовался по вечерам...

Ближе к осени открылась Мюнхенская олимпиада, которую едва не закрыла организация «Черный сентябрь» своей террористической атакой. Сборная Израиля погибла в полном составе, но игры, после долгих размышлений решили не отменять.

Олимпиада, по своим результатам получилась одной из лучших. Семь золотых медалей завоевал американский пловец Марк Спиз, усатый уроженец Гавайев. В легкой атлетике блеснул Валерий Борзов, который уверенно, с хорошим преимуществом опередил всех в спринте, на дистанциях 100 и 200 метров, а также вывел в эстафете 4x100 метров сборную Советского Союза с пятого на второе место. Виктор Санеев сделал золотой дубль, после Мехико. Отличились многие.

Команда ФРГ готовила своего штангиста тяжеловеса Рудольфа Манга, который и вправду стал показывать выдающиеся результаты, дать бой Василию Алексееву – грозному русскому богатырю. Шумиха в немецкой прессе была велика.

Василий не «подкачал». Рудольф Манг закончил соревнования с прекрасным результатом, который очень бледно смотрелся на фоне достижений Алексеева.

Егорьевск переживал отдельно за своего земляка Славу Лемешева, который также не подвел команду и страну...

За грибами ходили еще в октябре, теплом, после летней жары и грибовар Лука Иванович лениво и уверенно обманывал ребят на приемном пункте, давая не более трети цены от принесенного.

В ноябре забрали в армию Витьку Сионова – известного местного строителя аэросаней, будущего моториста и инженера. С тех пор на заснеженных полях не появлялась эта диковинка.

Как-то на зимние каникулы, Виталик прогуливался по морозной улице. Из дома Васьки Лохмача раздавались громкие, но невнятные вопли. Любопытный сын агронома, три раза прошел мимо, прислушиваясь. Он разобрал лишь «помогите» и еще пяток слов матом.

В борьбе интереса с сомнениями, победил интерес и привел его, преодолевая робость, в жилище Лохмачей.

– Король! Ну что ты такой бестолковый! Я бебя давно увидел и кричу, а ты, как осел ходишь туда-сюда...

– Я не понял, дядя Вася, что ты меня зовешь.

– Видишь, ногу я себе прибил. Это Таракан виноват – сухой березовый брусок подсунул, а в него гвоздь никак не забить. Перегородку я делаю, думал под дверь брусок поставить, он, гад такой твердый, что гвоздь загнулся и мне в ногу вошел.

Стандартный брусок 50x100 мм, стоял прибитый только снизу, сквозь ботинок к полу.

Кусок гвоздя «двухсотки» блеснул между ботинком и стойкой.

«Бубнового» слегка замутило. Сказалось его свойство теряться в сложных ситуациях.

– А что делать то, дядя Вася?

– Беги домой за отцом, он поможет.

– Отец на работе, дома только мать.

Лохмач, разя перегаром, проворчал:

– Что от тебя, что от твоей матери толку не будет. Слетай-ка ты за моей женой на работу, да пусть бинты с йодом не забудет...

Виталик довольно скоро нашел санитарку тетю Машу и сбивчиво объяснил в чем дело. Та всплеснув руками, спросила:

– Крови много?

– Не знаю, не видел.

Через полчаса она дубасила мужа березовым бруском, правда, беда не со стороны гвоздя.

– Дуралей пьяный, у меня чуть сердце не остановилось, я думала совсем беда, а он ногу деревянную прибил.

Васька лохмач неловко уворачивался, растерянно бормоча:

– То-то я гляжу, не больно совсем...

История эта не выдумана и даже не является зарисовкой, а, скорее фотографией фактического происшествия, вошедшего в уличные анналы. Нет в моем произведении выдуманных лиц и ситуаций; более того, некоторые мои друзья и знакомые упрекают меня в излишнем натурализме. Я же, по простоте душевной, считаю интересный натурализм, гораздо лучше скучного вымысла.

...Коммунизм медленно начал сдавать свои позиции в стране. Нет, риторика не изменилась, изменились люди, а стареющее руководство продолжало гнуть свою линию, но с каждым годом все более робко. Малейшие ростки нужного и нового мгновенно затаптывались, расцвели пышным цветом формализм, карьеризм и кланово-семейный протекционизм.

По лету, строили пристройку к дому Королевых, с южной стороны, ближе к клубничным грядкам. Виталик и я сидели на бревнах и слушали спор наших отцов о политике. Надо сказать, что мозги населения были изрядно промыты пропагандой, в том числе и мои – школа даром хлеб не ела. Помню свой ужас после слов отца, в полемическом задоре заявившего:

– Коммунистов надо стрелять, через одного, остальных вешать.

Мне казалось, что сейчас свершится нечто ужасное, но ничего не произошло и лишь интеллигентный Михаил Дмитриевич спокойно и мягко возражал, частично соглашаясь, что не все коммунисты люди достойные.

Да, партия стала напоминать коллективного дидактического фарисея и чем дальше, тем больше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.